

ИЗДАНИЕ

ВЪ СЕРИИ ВОЕННЫХЪ

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

ВЪ ЛОТТО.

ТОМЪ I-й. ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ГР. ДЕНИСОВСКИЙ

1866

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

ВЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ

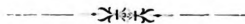
ОЧЕРКАХЪ, ЭПИЗОДАХЪ, ЛЕГЕНДАХЪ И БИОГРАФІАХЪ.

В. Лотто.

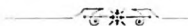

Вы теперь близко увидите, какъ живетъ и умираетъ Кавказскій воинъ, съ какимъ самоотверженіемъ совершаетъ онъ свой подвигъ и сколько неизвѣстныхъ исторіи героевъ молча легли для защиты знамени и долга.

(Изъ приветственной рѣчи Графа Соллогуба Е. И. В. Великому Князю Михаилу Николаевичу при назначеніи Его намѣстникомъ Кавказа).

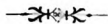

Книга эта рекомендована Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Внесена въ «Основной каталогъ» для офицерскихъ библіотекъ.

ТОМЪ 1-й

ОТЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО ЕРМОЛОВА.

ВЫПУСКЪ II.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Изданіе книжнаго склада В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.

С.-Петербургъ, Колокольная, собств. д., № 14.

1887.

Бѣдственный походъ Бибикова на Анапу.

Въ исторіи кавказскихъ войнъ прошлаго столѣтія совершенно особенное мѣсто занимаетъ случайный, стоящій внѣ общей системы дѣйствій, бѣдственный походъ Бибикова на Анапу.

Когда графъ Салтыковъ, назначенный, по случаю начавшейся тогда шведской войны, главнокомандующимъ арміей въ Финляндіи, уѣхалъ съ Кавказа, и край остался опять подъ номинальнымъ управленіемъ отсутствующаго графа Потемкина, — кавказскія войска, состоявшія изъ двухъ корпусовъ, кубанскаго и кавказскаго, нѣкоторое время оставались безъ общаго начальника, какими были Текелли и Салтыковъ. Этими исключительными обстоятельствами воспользовался одинъ изъ частныхъ начальниковъ, командиръ кавказскаго корпуса, генераль-поручикъ Юрій Богдановичъ Бибиковъ; онъ успѣшилъ стать во главѣ военныхъ дѣй-

ствій на линіи, чтобы отважнымъ предпріятіемъ усилить выдвигнуться до назначенія новаго начальника, при которомъ ему пришлось бы довольствоваться скромною второстепенною ролью. Предшествовавшая дѣятельность Бибикова не обѣщала, однакоже, блестящихъ результатовъ отъ его стремленія къ славѣ; онъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ единственно покровительству графа Панина, при которомъ находился во время пугачевского бунта, и во всякомъ случаѣ не принадлежалъ къ славной плеядѣ екатерининскихъ генераловъ, изъ которой вышла большая часть тогдашнихъ босвыхъ кавказскихъ дѣятелей.

Цѣлью своего отважнаго предпріятія Бибиковъ избралъ Анапу, очевидно односторонне понимая важность ея значенія, и не постигая глубокихъ соображеній, заставившихъ Текелли на время отказаться отъ завладѣнія ею.

Анапа, дѣйствительно, играла очень большую роль въ русско-турецкихъ дѣлахъ, служба важнѣйшимъ пунктомъ для сношеній турокъ съ магометанскими горцами. Ея твердыни высились верстахъ въ тридцати отъ устьевъ Кубани, на мысѣ, омываемомъ съ двухъ сторонъ волнами Чернаго моря. Отъ валовъ крѣпости, вплоть до подножія Кавказскихъ горъ, разстилалась обширная равнина, когда-то вся изрѣзанная колесными дорогами и тропинками, по которымъ ѣздили татарскія арбы съ сельскими продуктами изъ горныхъ ауловъ; по тѣмъ же путямъ иной разъ двигались и цѣлыя обозы съ ясырями и молодыми дѣвушками, которыхъ горцы доставляли сюда на продажу туркамъ. Съ давнихъ временъ, когда еще не было Анапы, плодородіе этой равнины привлекало сюда массу выходцевъ изъ горъ для посѣвовъ гомп (родъ мелкаго проса), а къ мысу, на которомъ впоследствии поставлена крѣпость, приставали въ голодные годы черкесскія кочермы, для сбора добровольныхъ приношеній хлѣбомъ въ пользу бѣдныхъ приморскихъ жителей горной полосы этого края.

Когда Крымъ былъ присоединенъ къ Россіи, и ногайскія племена, кочевавшія по Кубани, выселены, турки, прежде легко сносившіеся съ горцами изъ Крыма чрезъ Таманскій полуостровъ, теперь могли рассчитывать только на Черное море и старались укрѣпиться на его побережьѣ вблизи Кавказскихъ горъ. Именно

съ этою цѣлю они и затѣяли построить крѣпость въ землѣ натхокаджей. Мѣстность, выбранная ими, принадлежала собственно говоря, небольшому черкесскому племени „хегайкъ“, но племя это было истреблено чумою, потеряло свою самобытность и слѣлось съ натхокаджами. Старѣйшины родовъ натхокаджійскаго племени не особенно благопріятствовали намѣреніямъ турокъ и долго не рѣшались дать согласіе на постройку крѣпости; однакоже, задобренные подарками и обольщенные обѣщаніемъ выгодъ отъ торговли ясыромъ, они одинъ за другимъ мало-по-малу стали склоняться на сторону турокъ. И только одинъ старѣйшина, изъ сильнаго рода Супако, въ послѣдствіи прозванный „Калечатомъ“, не сдавался ни на какія обѣщанія и упорно противился сооруженію крѣпости на землѣ своего племени. Онъ возвышалъ голосъ въ народныхъ совѣщаніяхъ, предостерегалъ соотчичей. „Турція, говорилъ онъ:—не то, что мы: Турція—государство. Она можетъ вести войну съ другимъ государствомъ. По жребію войны крѣпость можетъ перейти во власть государства болѣе побѣдоноснаго, а тогда и вся земля, на которой будетъ стоять завоеванная крѣпость, законно перейдетъ въ обладаніе того же государства“. Но обаяніе турецкихъ подарковъ было такъ сильно, что голосъ одного, при согласіи всѣхъ, былъ гласомъ вопіющаго въ пустынь: крѣпость была воздвигнута и названа Анапою. Достоинно вниманія, что нога Калечата въ теченіе всей его жизни ни разу не была въ Анапѣ. А пока ненавистная ему крѣпость строилась, онъ нападалъ на нее съ своими людьми и не разъ повреждалъ и даже совсѣмъ прекращалъ работы, откуда и получилъ названіе „Калечатъ“, что значитъ разоритель крѣпости.

Самое слово Анапа происходитъ отъ двухъ татарскихъ словъ: ана — мать и пай — часть, доля. Въ первое время существованія крѣпости ее иначе и не называли, какъ Анапай, материнская часть или материнская доля. Происхожденіе этого названія объясняютъ обыкновенно тѣмъ, что турки, стараясь облегчить участь своихъ единовѣрцевъ, изгнанныхъ изъ Крыма, отвели имъ мѣсто по Кубани, именно подъ защитою этой крѣпости; въ свое время татары высоко цѣнили такое покровительство и выразили свою

признательность въ самомъ названіи Анапы, которая, какъ заботливая мать, пріютила у себя несчастныхъ изгнанниковъ.

Съ самаго начала Анапа (по черкесски: Багуръ-кале, отъ имени рѣчки, при устьѣ которой она построена) представляла собою редутъ, окруженный только землянымъ валомъ; но въ 1781 году французскіе инженеры построили здѣсь первоклассную крѣпость, которая фирманомъ турецкаго султана была названа „ключемъ азіатскихъ береговъ Чернаго моря“ и съ этихъ поръ становится центромъ религіозной пропаганды между черкесскими племенами.

Утвердившись въ землѣ натхокаджей, турки владѣли однакоже только тѣмъ клочкомъ земли, на которомъ стояла крѣпость. Окрестныя же мѣста были совершенно отъ нихъ независимы, и потому крѣпость постоянно должна была принимать всѣ мѣры военныхъ предосторожностей, чтобы въ одинъ прекрасный день не быть захваченной врасплохъ своими же друзьями.

Вообще отношенія горцевъ и турокъ между собою въ Анапѣ поддерживались только торговыми интересами и въ особенности торговь красивыхъ невольницъ; но противъ Россіи они всегда естественно являлись вѣрными союзниками. Захватить Анапу значило нанести ударъ какъ торговымъ интересамъ горцевъ, такъ и вліянію на нихъ мусульманской Турціи.

Бибиковъ понималъ, какая важная заслуга для Россіи была бы въ прочномъ завладѣніи Анапою, и, спѣша до назначенія новаго начальника связать свое имя съ этимъ подвигомъ, отважился идти за Кубань съ однимъ своимъ кавказскимъ корпусомъ налегкѣ, безъ обозовъ, рассчитывая довольствоваться войска реквизиціями.

Рѣшеніе идти подъ Анапу и послѣдующія иногда весьма энергическія дѣйствія доказываютъ, что Бибиковъ былъ человекъ предприимчивый и смѣлый, но что въ то же время это былъ человекъ несомнѣнно легкомысленный. Онъ совсѣмъ не позаботился ознакомиться даже съ характеромъ страны, въ которой ему при-

ходилось дѣйствовать и которая имѣла много особенностей, вовсе не принятыхъ имъ во вниманіе. Въ этой странѣ не было конечно заоблачныхъ горъ и грозныхъ ущелій съ едва проходимыми среди утесовъ тропами, не было и крѣпкихъ ауловъ съ каменными башнями, представляющими собою готовыя крѣпости. Но за то здѣсь на каждомъ шагу встрѣчались горныя рѣчки, вздымавшіяся при таянн снѣговъ и затоплявшія окрестности на многія версты, превращая ихъ въ непролазныя топи; здѣсь были дремучіе лѣса съ проложенными въ нихъ узкими дорожками, пересѣкавшимися по всемъ направленіямъ глубокими и тонкими канавами; здѣсь обитало густое воинственное населеніе лучшихъ наѣздниковъ, владѣвшее огромными табунами отличныхъ лошадей. Это населеніе могло окружить непріятели тучами всадниковъ, слѣдить за каждымъ его шагомъ и разстраивать все его предпріятія. „Тамѣстность, говоритъ одинъ писатель:—такая, что бой вспыхнетъ на полянѣ, а кончится въ лѣсу и оврагѣ; тотъ непріятели таковъ, что если хочеть биться, трудно противъ него стоять, а если не хочеть, трудно его постигнуть“.

Время для похода выбрано было Бибиковымъ самое неудобное. Войска стали собираться въ январѣ 1789 года, когда глубокіе снѣга лежали на равнинахъ и не было нигдѣ подножнаго корма. Кубань перешли еще по льду; но ледъ уже былъ не крѣпокъ и въ воздухъ чуялась близость весны, вмѣстѣ съ которою должны были начаться для отряда немнѣемые бѣдствія.

Первые дни похода прошли довольно спокойно. Встрѣчались только слабыя аулы кабардинцевъ, которые не могли оказать сопротивленія. Но чѣмъ дальше подвигался отрядъ, тѣмъ сопротивленіе непріятели становилось упорнѣе. На зовъ извѣстнаго Шейхъ-Мансура, скрывавшагося тогда за Кубанью, стали стекаться большія партіи горцевъ, вскорѣ являлась поддержка отъ турокъ, и 15 февраля громъ русскихъ пушекъ впервые огласилъ пустынный и дикія мѣста, въ которыхъ никогда еще не были русскіе. Черкесы были разбиты, но за то съ этихъ поръ начались ежедневныя нападенія на отрядъ. А между тѣмъ наступила весна, и препятствія, про-

тивопоставляемая природою, съ каждымъ днемъ становилась непреодолимѣе. Войска то цѣлый день брели по колѣна въ студеной водѣ, которая образовывалась почти моментально отъ дѣйствія весенняго солнца, то вынуждены были останавливаться влѣдствіе горныхъ мятелей и вьюгъ, бушевавшихъ по нѣскольку дней сряду. То сильная оттепель превращала ручьи въ бурныя рѣки и приходилось вездѣ строить мосты, то сильнѣйшій морозъ и гололедица препятствовали кавалеріи сдвинуться съ мѣста. Тамъ раскапывали дорогу среди высокихъ снѣговыхъ сугробовъ, здѣсь настилали гать, чтобы перебраться черезъ затопленные водою луга, или взбиралась на голыя скалы, куда на канатахъ поднимали за собою повозки и орудія. Дровъ не было, сухари были въ исходѣ, а лошадей давно уже кормили старыми, рублеными рогожами.

Черкесы, зная о бѣдственномъ положеніи русскаго отряда, рѣшились преградить ему путь въ одномъ изъ тѣсныхъ горныхъ проходовъ. Къ счастью, они опоздали. Первая колонна прошла благополучно и только уже вторая, генерала Булгакова, наткнулась на заваль и очутилась подъ перекрестнымъ огнемъ турецкихъ орудій. Но генералъ Булгаковъ (впослѣдствіи начальникъ Кавказской линіи) былъ изъ числа тѣхъ людей, которыхъ мужество возрастаетъ по мѣрѣ опасности. Увидѣвъ, что въ его положеніи нѣтъ другого выхода, кромѣ побѣды, онъ кинулся впередъ и, овладѣвъ батареею, проложилъ дорогу штыками.

Послѣ этого случая многіе стали совѣтовать Бибикову воротиться. Но ослѣвленный случайною удачею, онъ двигался впередъ и впередъ къ восточному берегу Чернаго моря, гдѣ стояла Анапа—предметъ его тайныхъ надеждъ и смѣлыхъ замысловъ. Черкесы между тѣмъ продолжали упорныя битвы: въ каждой долинѣ происходилъ конный бой; изъ-за каждаго куста, оврага и перелѣска русскихъ осыпали пулями; каждую высоту приходилось очищать штыками. Солдаты сражались съ безпримѣрнымъ мужествомъ. Смѣло можно сказать, что въ этомъ необыкновенномъ походѣ каждый рядовой заслужилъ названіе героя. Но, побѣждая не-

пріятеля, войска не могли побѣдить другого противника—голода: сухарей давно уже не было, и люди питались кореньями и сырою кониною.

Наконецъ 24 марта, послѣ сорока-двухъ-дневнаго марша, проведеннаго среди борьбы и лишеній, въ самый канунъ свѣтлаго Христова Воскресенія, русскіе вышли изъ горъ въ долину, разстилающуюся до самыхъ стѣнъ Анапы. Несмотря на усталость, ночь проведена была въ молитвѣ: въ полкахъ служили заутрени и радостный гимнъ „Христосъ воскресъ“ торжественно звучалъ подъ чужимъ, мрачнымъ и покрытымъ свинцовыми тучами небомъ. Къ утру погода перемѣнилась; снѣгъ повалилъ хлопьями, закрутила вьюга и ударилъ такой морозъ, что въ лагерѣ замерзло до двухъ сотъ лошадей. Между тѣмъ съ первымъ проблескомъ дня, войска построились въ колонны и въ торжественномъ молчаніи двинулись къ крѣпости. Сорокатысячный гарнизонъ высыпалъ на валы, запестрѣвшіе множествомъ знаменъ и бунчуковъ, десятки турецкихъ орудій открыли огонь и около колоннъ запрыгали гранаты и ядра.

Солдаты бодро подвигались впередъ; въ ихъ рядахъ, по разсказу очевидца, слышались даже остроты насчетъ того, что-де турки хоть и бусурмане, а вотъ христеуются съ ними калеными ядрами. Но вотъ барабаны вдругъ загремѣли отбой, войска остановились и, на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ крѣпости, разбили свой лагерь. Въ это самое время турки, въ виду цѣлаго отряда, спустили съ крѣпостной стѣны какого-то всадника на бѣлой лошади. Ему, какъ оказалось впоследствии, поручено было проскакать мимо нашего лагеря и увѣдомить горцевъ въ какой именно часъ и съ какой стороны они должны напасть на русскихъ одновременно съ турками.

Угадывая это намѣреніе, русскіе употребили все средства, чтобы захватить всадника: за нимъ гнались по пятамъ, пересѣкали ему дорогу, метали въ него дротиками, стрѣляли изъ ружей и пистолетовъ. Но онъ, словно заколдованный, успѣлъ вырваться изъ круга обступавшихъ его казаковъ и скрылся въ горахъ. Теперь нужно было ожидать ежеминутнаго нападенія. И дѣйстви-

тельно, на слѣдующій день 15000 турокъ, выйдя изъ крѣпости, бѣшено атаковали русскій лагерь. Громъ пушечныхъ выстрѣловъ, далеко отозвавшійся въ горахъ, послужилъ сигналомъ, по которому горцы въ безчисленномъ множествѣ кинулись съ тылу. Поставленные между двумя противниками, русскіе бились лицомъ на двѣ стороны. „И надо сказать правду, говоритъ участникъ этого боя:—ценостижимо, какъ они уцѣлѣли, и не только уцѣлѣли, а еще остались побѣдителями!“ Особенно отличился при этомъ поручикъ Мейнцъ, въ глазахъ всего отряда съ однимъ эскадрономъ врубившійся въ массы турецкой кавалеріи. И турки и черкесы вынуждены были наконецъ отступить. Казаки преслѣдовали ихъ по пятамъ, и 6 тысячъ вражескихъ тѣлъ устлали поле сраженія.

Но радостный день побѣды грустно окончился для самихъ побѣдителей. Ослѣпленный блескомъ удачи, Бибииковъ не хотѣлъ довольствоваться уже позатыми лаврами и отдалъ приказаніе идти немедленно на приступъ Анапы. Солдаты смѣшались съ толпами бѣгущихъ и быстро достигли до крѣпости. Но турки, не заботясь о своихъ бѣглецахъ, занерли ворота и встрѣтили русскихъ убійственнымъ ружейнымъ огнемъ. Будь у русскихъ лѣстницы, Анапа, вѣроятно, была бы взята. Но лѣстницъ не оказалось! Ночь, между тѣмъ, опускалась на землю, и русскіе, жестоко поражаемые картечью, стали отступать, оставя на полѣ до 600 человекъ убитыми.

Но этимъ бѣдствіе еще не кончилось. Черкесы, выжидавшіе издали, что произойдетъ подъ Анапой, какъ только увидѣли, что русскіе отступаютъ, вихремъ понесли на отрядъ и ударили въ шашки. Мракъ ночи увеличивалъ общее смятеніе, и трудно сказать, что случилось бы съ разстроеннымъ русскимъ войскомъ, еслибъ спасеніе его не приняли на себя два храбрые маіора, Верекинъ и Офросимовъ. Жертвуя собою, первый изъ нихъ съ двумя батальонами пѣхоты, а второй съ батареей, бросились на встрѣчу къ черкесамъ и, заслонивъ отрядъ своею грудью, дали ему время кое-какъ дотянуться до лагеря.

За днемъ кровопролитнаго сраженія наступила бурная ночь.

Съ одной стороны русскаго лагеря бѣшевало море, съ другой — шумъ, свистъ и вой вѣтра въ лѣсахъ и горныхъ ущельяхъ. Страшная гроза усугубляла ужасъ ночи. Но турки съ своей стороны боялись не грозы, а новаго приступа, и всю ночь простояли на валахъ, стрѣляя отъ времени до времени пзъ пушекъ.

Три дня провели русскіе подъ стѣнами Анапы. Наконецъ Бибииковъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ большинство голосовъ высказалось за отступленіе, такъ какъ голодъ и недостатокъ въ боевыхъ припасахъ не позволяли думать о новомъ приступѣ. Лишь только отдавъ приказъ отступить и войска стали сниматься съ позиціи, въ лагерь явился какой-то турецкій невольникъ и поднесъ Бибиикову пшеничный хлѣбъ, сказавъ, что паша посылаетъ этотъ хлѣбъ главнокомандующему, чтобы тотъ не умеръ отъ голоду въ дорогѣ. И эту дерзкую выходку пришлось оставить безъ вниманія.

Отступленіе сопровождалось еще большими бѣдствіями. Чтобы достигнуть Кубани, была избрана кратчайшая дорога, по которой шель Текелли. Но здѣсь надо было переходить густой лѣсъ, а за нимъ непроходимую, узкую и глубокую рѣчку, чрезъ которую только въ одномъ пунктѣ былъ перекинутъ небольшой мостъ. И счастье, что Бибииковъ успѣлъ захватить этотъ мостъ прежде, чѣмъ подошли къ нему горцы, намѣревавшіеся въ этомъ пунктѣ отрѣзать отступленіе. Едва послѣдніе ряды солдатъ перешли рѣчку — показали горцы и турки. Уничтожить мостъ уже не было времени и Бибиикову оставалось только задержать непріятеля артиллерійскимъ огнемъ. Началась настоящая бойня. Цѣлый часъ 16 орудій въ перекрестъ били картечью по мосту, и цѣлый часъ черкесы и турки, какъ бѣшеные, ломались на мостъ, заваливая его своими трупами. Только громадныя потери заставили наконецъ упрямаго непріятеля отказаться отъ нападенія. Мостъ былъ сожженъ, и отрядъ, положивъ между собой и горцами неодолимую преграду, сталъ отступать спокойно. Теперь ему предстояла главнымъ образомъ борьба съ природою, но и эта борьба была такова, что о ней съ трепетомъ помышляли самые безстрашные воины.

Весна въ этомъ году стояла ранняя и дружная; горные ручьи превратились въ бурные рѣки; овраги и доли наполнились водою. Вездѣ была невылазная грязь, мокротъ, и люди не пытались даже сушить свое платье. Въ одномъ мѣстѣ войскамъ пришлось сдѣлать цѣлый переходъ въ 14 верстъ въ водѣ по самое горло; солдаты коченьли отъ холода, нѣкоторые теряли сознание, падали и погибали, прежде чѣмъ имъ успѣвали подать какую-нибудь помощь. Бибиковъ тогда попалъ на мысль перемѣнить направление, перейдя на другую, хотя окружную, но болѣе сухую, горную дорогу. Но противъ этого возстали все офицеры, говоря, что солдаты, изнуренные голодомъ, не вынесутъ этого пути и сдѣлаются жертвою черкесовъ. Болѣе всехъ противился перемѣнѣ дороги извѣстный Офросимовъ, — у него не осталось и по пяти зарядовъ на орудіе. Бибиковъ арестовалъ Офросимова и даже приковалъ его къ пушкѣ. Тогда взбунтовались солдаты; они легли на землю и кричали: „пусть будетъ, что угодно Богу и матушкѣ царикѣ, а дальше мы идти не можемъ“. Собрался новый военный совѣтъ, и Бибиковъ вынужденъ былъ наконецъ подчиниться общему рѣшенію. Офросимова освободили, и войска двинулись опять къ высокому нагорному берегу Кубани, который уже „маячилъ“ въ синевѣ далекаго туманнаго горизонта. Но отряду пришлось и тутъ испытать горькое разочарованіе: глубокая и быстрая рѣка, разлившись на необозримое пространство, бѣшено катила пѣнящіяся волны, ворочая громадные камни и унося, какъ щепы, вырванные съ корнями дубы и чинары — и переправы не было.

Между тѣмъ горцы опять настигли отрядъ, и опять начались ежедневныя схватки, не всегда успѣшныя для русскихъ. Такъ, въ одной изъ нихъ Уральскій казачій полкъ потерялъ всехъ своихъ лошадей и очутился пѣшимъ. Положеніе отряда, прикатаго къ Кубани, было безвыходное; но все же отбиваться отъ горцевъ легче было стоя на мѣстѣ, нежели въ походѣ, что неизбѣжно случилось бы, еслибъ отрядъ пошелъ по пути, выбранному Бибиковымъ. Къ счастью, духъ въ полкахъ сохранился превосходный. Минутное неудовольствіе людей не оставило по себѣ замѣтнаго слѣда; солдаты опять были тѣми же бодрыми, храбрыми и терпѣливыми

солдатами, готовыми сто разъ пожертвовать своею жизнью, чтобы спасти честь русскаго знамени и своего начальника. Днем они сражались, ночью съ чисто-русскою сметкою мастерили летучіе паромы изъ камыша, въ которомъ, къ счастію, недостатка не было. Скоро паромы были готовы, и на этихъ-то утлыхъ плотяхъ отрядъ совершилъ свою невѣроятную переправу. Правда, нѣкоторые изъ этихъ плотовъ опрокинулись и люди, бывшіе на нихъ, потонули, нѣкоторые унесены были быстротою теченія въ Черное море, но большинство добралось таки до русскаго берега. Орудія спасены были все, и отрядъ не оставилъ въ рукахъ непріятеля ни одного трофея.

Такъ окончился этотъ походъ, не безъ основанія сравнимый однимъ изъ современниковъ съ походомъ Кортеса въ Мексику.

Общую потерю бибиковскаго отряда показываютъ различно. По официальнымъ донесеніямъ она не превышала 1100 человекъ, но по другимъ извѣстіямъ изъ всего 8-тысячнаго войска вернулся только 3 тысячи на ногахъ и тысяча совершенно больныхъ, причемъ изъ послѣднихъ большая часть умерла.

Слухъ о бѣдственномъ положеніи Бибикова за Кубанью дошелъ до свѣтлѣйшаго князя Потемкина, и командиру кубанскаго корпуса, генералъ-лейтенанту барону Розену, приказано было поспѣшно идти за Кубань, чтобы разыскать отрядъ и помочь ему выйти на линію. Розень, однако, встрѣтилъ Бибикова уже на правомъ берегу внѣ всякой опасности. Изъ его донесенія Потемкину видно, что онъ нашелъ кавказскій корпусъ въ совершенномъ разстройствѣ. „Офицеры и нижніе чины, писалъ онъ:—находятся въ такомъ жалкомъ видѣ, который выше всякаго выраженія; все они опухли отъ голода и истомлены маршами, стужей и непогодами, отъ которыхъ не имѣли никакого укрытія. Солдаты и офицеры лишились въ этомъ походѣ всего своего имущества и остались въ рубищахъ, босые, безъ рубахъ и даже безъ нижняго бѣлья, которое погнило на людяхъ“.

Скоро узпала подробно о походѣ и императрица. „Экспедиція Бибикова, писала она князю Потемкину:—для меня весьма странна

и ни на что не похожа; я думаю, что онъ съ ума сошелъ, державъ людей сорокъ дней въ водѣ, почти и безъ хлѣба; удивительно, какъ единственный остался живъ. Я почитаю, что немного съ нимъ возвратилось; дай знать, сколько пропало—о чемъ я весьма тужу. Если войска взбунтовались, то сему дивиться нельзя, а болѣе надо дивиться сорокодневному ихъ терпѣнію. Сіе дѣло нѣсколько схоже съ Тотлебеновымъ и Сухотинымъ въ прошедшую войну“.

Назначено было и формальное слѣдствіе. Бибиковъ сентенціею военнаго суда былъ отставленъ отъ службы, но отрядъ, отличившійся мужествомъ въ битвахъ и перенесеніемъ тяжелыхъ трудовъ и лишеній въ походѣ, награжденъ былъ особенною серебряною медалью на голубой лентѣ съ надписью: „за вѣрность“.

